

КСЕНИЯ МЯЛО

ВСЕГО 20 ЛЕТ — УЖЕ 20 ЛЕТ

*...Только не стало
Великой Отчизны моей.*

Андрей Попов

Крушение

Буднично и незаметно миновало 8 декабря 2011 года — 20-я годовщина того дня, когда официально перестала существовать великая держава, носившая имя СССР. Ни ярких программ в СМИ — а ведь какая обильная хроника тех дней сохранилась! Ни громко прозвучавших политических заявлений, ни впечатляющих общественных акций, которые позволили бы сказать, что гражданам ещё помнят о своей так внезапно и необъяснимо исчезнувшей стране. И даже не просто помнят, но тоскуют и желают её возвращения — сколько говорилось об этом на протяжении нескольких последних лет, а особенно месяцев, предшествовавших печальному юбилею. Но граждане никак не обозначили своего отношения к этому дню, прошедшему так же, как проходит любой другой рядовой день; если что и привлекало внимание, то это ситуация вокруг только что состоявшихся парламентских выборов. Похоже, что многие и просто забыли о его значении: людям ведь свойственно запоминать и отмечать не только радостные, но и печальные годовщины; и, например, на чело-века, позабывшего даты смерти своего отца или матери, мы взглянули бы, по меньшей мере, с недоумением. Потому что даты ухода из жизни близких и любимых невозможно вытравить из памяти даже при желании: их выжигает в ней боль. Хотя и затухающая со временем, но вновь и вновь воскрешаемая в поминальные дни как свидетельство нашей не расторгаемой даже смертью связи с ушедшими.

Такие, “выжженные” в памяти даты, нестираемые потоком времени и сменой поколений, существуют и у целых народов, как до сих пор, несмотря ни на что, всё ещё живёт и читается на всём пространстве ушедшей в небытие державы 22 июня 1941 года. Казалось, и 8 декабря 1991 года должно было бы занять своё место где-то рядом с ним, но, как видим, этого не произошло. Так не потому ли, что боль была не так сильна, во всяком случае, не у всех одинаково сильна, как об этом продолжают твердить до сих пор? Не потому ли, что так изобиловавшие в последнее время речи о том, что морок вот-вот рассеется и все 15 (ну хорошо, пусть 12, пусть 11 — на Прибалтику и Грузию уже, кажется, не рассчитывают даже самые упорные оптимисты) снова, дружно взявшись за руки, встанут в общий круг, были не более чем утешительным самообманом? И всеобщего потрясения не было?

Ярко, словно бы и не минуло с тех пор двух десятилетий, помню, как мы с моим коллегой из Молдавии, где тогда всюду бушевали страсти и уже пролилась кровь, бежали на в ту пору ещё незастроенную Манежную площадь, где тотчас же после известия о том, что произошло в белорусских Вискулях, собрался небольшой митинг. Небольшой, замечу, по количеству людей, но очень напряжённый по накалу эмоций. Было в нём нечто судорожное, мечущееся и – обречённое. Он был плохо организован – если вообще был организован, не обозначились никакие политические силы, готовые дать язык и перевести на уровень рефлексии, этой необходимой предпосылки ответственного действия, самими этими корчами, этой судорожностью заявляющему о себе чувстве боли и растерянности. И было ещё сильно ранившее равнодушие прохожих, иногда бросавших реплики в нашу сторону – не скажу, чтобы очень дружельюбные. Так отреагировала Москва. Да, конечно, она была тогда опорой Ельцина и той резко антисоветской, враждебной по отношению к самому СССР общественности, которая по какому-то недоразумению была названа у нас демократической. И у которой даже предельно недемократичный способ решения вопроса о судьбе Союза ССР не мог затуманить “чувства глубокого удовлетворения” по поводу его кончины. Но ведь и глубинка не взволновалась, кажется, и вообще никак не отозвалась на крушение державы. Наконец, массы протестующих граждан вовсе не осаждали Верховный Совет в день ратификации им Беловежских соглашений – было спокойно и, в общем, безлюдно, если не считать немногочисленной, но очень активной группы поддержки именно *Беловежья*.

Нет, ничто в хронике событий тех дней не позволяет утверждать, что вся Россия, а не отдельные проживавшие в ней люди, была потрясена. Советский Союз она проводила в могилу, в общем, без слёз; потрясены были другие, те, кто в отчаянии, звоня из Молдавии, Прибалтики, Средней Азии, спрашивал: “Что? Что теперь с нами будет?”. Но судьба этих людей, мгновенно ставших *иностранцами*, в ту пору не так уж многих интересовала. И до конца дней буду помнить их весёлые лица на Красной площади в ночь встречи 1992-го, первого *post mortem* СССР, года, смех, хлопанье пробок и льющееся на брусчатку шампанское. К которому уже были подмешаны и слёзы, и кровь Нагорного Карабаха, Приднестровья, Южной Осетии, и это ещё было только начало. Но – пилось легко и весело, а слёзы и кровь – так ведь это где-то там, “на окраине империи”, ну, а все империи распадаются, ничего не поделаешь, так что тем, кто “на окраине”, просто не повезло. Этой мантрой тогда утешались многие.

Не взволновались и союзные республики, Верховные Советы которых повсюду (за исключением уже получивших международное признание, в том числе и со стороны СССР, прибалтийских республик, ставших государствами Балтии) в обстановке полного спокойствия ратифицировали Беловежские соглашения. Более того: когда 15 марта 1996 года Госдума, по инициативе имевшей тогда большинство голосов КПРФ, приняла решение об их денонсации, оно не только не было поддержано ни одной из стран СНГ, но возбудило немало резких речей и прозрачных намёков на возрождение “имперских амбиций” со стороны России. И уже только об этот неоспоримый исторический факт разбиваются ставшие ныне столь популярными, несмотря на их размытость и бездоказательность, утверждения о насильственно “вытолкнутых” из единой семьи народах, только и мечтающих о возвращении в неё.

Звучали они и на страницах “Нашего современника” (см. например, статью Н. Лактионовой в № 1 за 2006 год), но лично мне не слишком понятно, на каком основании кто-то из нас, граждан теперь уже другой страны, может брать на себя право говорить за другие народы, словно бы они были несовершеннолетними или недееспособными. На мой взгляд, это неприемлемо: они ныне – граждане суверенных государств, независимостью которых дорожат, если судить по их острым реакциям на “имперскую угрозу”, будь она реальной или мнимой. Стало быть, могут произнести своё собственное слово, да уже и произносили, только оно было о другом. Так, ещё за три года до сенсационного, но не возымевшего никакого резонанса постановления Госдумы о денонсации Беловежских соглашений Нурсултан Назарбаев в одном из своих интервью поведал, что именно страх республик перед угрозой возрождения империи тормозит интеграцию на постсоветском пространстве:

“Тень страшного монстра ещё маячит поблизости... Слишком примитивным было бы считать, как это порою звучит, что республики бывшего Союза, обжёгшись на суверенитете, готовы вернуться в “семейное лоно”. Конечно, имели место и эйфория насчёт собственных возможностей, и амбиции политических лидеров. Однако суть нового качества как раз в том, что республики наконец ощутили себя независимыми государствами” (“Известия”, 5 июня 1993 года).

Если бы депутаты более внимательно относились к тому, чего желают и к чему стремятся сами бывшие союзные республики, то, возможно, конфуза с их оставшимся безответным широким жестом и не случилось бы. Так, может быть, сегодня нам, извлекая уроки из прошлого, не следует торопиться трубить в фанфары и бить в литавры по поводу замаячившего на горизонте Евразийского Союза (на авторство идеи которого тоже претендует Назарбаев)? Коль скоро России в нём заведомо уготована роль хотя и притихшего, раскаявшегося, но всё-таки потенциально опасного “монстра”. И заискивающая поспешность, с которой Россия раз за разом протягивает свою, точно так же, раз за разом, отвергаемую руку дружбы, на мой взгляд, просто унижительна для неё. Не говоря уже о политической контрпродуктивности подобных жестов. Возможно, сегодня в бывших союзных республиках достаточно людей, сожалеющих о Союзе, но они не образуют критической массы, не заявляют о себе, и говорить о них мы можем только гадательно.

Но ничем не подкреплённые, бездоказательные речи обо “всех вытолкнутых” для меня, своими глазами видевшей, что происходило тогда “на окраинах империи”, неприемлемы ещё и той лёгкостью, с какой мгновенно дающее ответ на все трудные вопросы словечко “все” уравнивает тех, кто, подобно Приднестровью, Абхазии, Южной Осетии, кровью заплатил за свое нежелание уходить из единой страны, и тех, кто наносил по ней сокрушающие удары. Уравнивает убитого в мае 1990 года в Кишинёве (как видим, ещё при жизни СССР) десятиклассника Дмитрия Матюшина и забивших его насмерть (“за то, что говорил по-русски”) молдавских националистов, потом топивших в крови Бендеры. Уравнивают обесправленных неграждан Прибалтики с теми, кто жестоко дискриминировал их, третируя русское население этих республик как *недочеловеков* – в выражениях, извлечённых непосредственно из архива нацистской пропаганды, о чём недавно очень своевременно напомнил В. Швед в своей обширной работе “Литовский лабиринт” (“Наш современник”, № 9–10, 2011). Уравнивают миллионы (по некоторым оценкам не менее пяти) ограбленных, лишившихся жилья и работы, а то и близких, беженцев, в основной их части тоже русских, из республик Средней Азии и Казахстана, и гнавших их насильников.

Что ж, выведя такое нехитрое уравнение, зачеркнув всё бывшее как не-бывшее, легко, конечно, обещать чудо немедленного восстановления “дружбы народов” (что регулярно, особенно в преддверии выборов, делает КПРФ), а там, глядишь, и самого Советского Союза. Но разве ещё не в Советском Союзе произошли армянские погромы в Сумгаите и Баку? Разве ещё не в Советском Союзе был убит Дима Матюшин, а осенью того же года молдавской полицией в Приднестровье были расстреляны безоружные люди – на что союзное руководство почти открыто дало индульгенцию? Как дало её в рождественский сочельник 1991 года на ввод полууголовных банд в осетинский Цхинвал, преднамеренно обезоруженный накануне. Наконец, невозможно отрицать, что это именно союзное руководство зажгло зелёный свет дискриминационным законам о языках, которые, стартовав в Прибалтике, стремительно (лишь в Белоруссии этот процесс был остановлен благодаря приходу к власти А. Лукашенко) распространились на все остальные союзные республики. В кратчайшие сроки оказались грубо ущемлёнными права представителей всех других народов – нередко веками проживавших на тех же территориях, которые в советский период отечественной истории получили статус наделённых особыми правами (вплоть до права на отделение) союзных республик.

Резче всего эти новые законы ударили, конечно, по русским, но и не только. Именно тогда появились дискриминированные “русскоязычные”, то есть те, кто, не будучи по национальности русскими, своим родным считал русский язык либо свободно пользовался им в общении с представителями “титulyных” наций и “титulyных” властей. Впрочем, даже и совершенное знание языка далеко не решало проблему, если не принималось главное: курс на

выход из СССР и бичующий пересмотр всей роли России в мировой истории, а это означало уже селекцию по политическим убеждениям. Таким оказался отложенный эффект произвола, допущенного при создании советской федерации, с заложенным в её основание принципом неравноправия народов (стало быть, и граждан), без всякого даже подобия их собственного волеизъявления разделённых на “титульные” и “не титульные”. Со всеми вытекающими отсюда правовыми и политическими последствиями. То, что сказались эти последствия не сразу, в огромной мере было обусловлено действием выработанных в последующем ходе истории Советского Союза механизмов амортизации разрушительного потенциала, имманентно присущего такому типу федерализма. Однако потенциал этот не был устранён в пору, когда для того существовали наиболее благоприятные возможности, и после 1985 года заработал с нарастающей энергией.

Практически во всех союзных республиках, с большей или меньшей скоростью, начали утвердяться откровенно этнократические режимы, которым советское руководство не сумело или не захотело противостоять; сами же законы о языках в этих условиях оказались чрезвычайно эффективным инструментом становления этнократий, по большей части взявших курс на выход из Союза ССР. Соответственно, самый драматический характер приобретал теперь вопрос о судьбе народов, не желающих уходить из единой страны. В том числе и о судьбе, по меньшей мере, 25 млн русских, разбросанных по самым разным республикам, что вообще превращало русских как таковых в самый крупный разделённый народ на Земле. Однако соответствующий закон, принятый 3 апреля 1990 года и предусматривавший возможность, в случае сецессии (отделения) союзных республик, самоопределения автономий и территорий компактного проживания “не титульного” населения через референдумы, всё-таки потенциально дававший возможность смягчить самые тяжёлые, человеческие, последствия распада федерации, так и остался на бумаге. И последняя возможность взять процесс хоть под какой-то правовой контроль была упущена советской номенклатурой: то ли по безволию, то ли по неспособности выйти за рамки пошедшей вразнос системы, свою внятную внутреннюю логику имевшей лишь в связи с ленинским замыслом Советского Союза как, по пронизательной оценке А. Тойнби, “всемирной державы на нерусском базисе, которая должна была расширять свои границы *pari passu* с прогрессом Мировой революции”. От замысла давно отказались, но схема устройства федерации сохранилась, став уж вовсе бессмысленной в эпоху сокрушительных ударов по всему советскому наследию.

Таким образом, союзные республики отделились как этнократии, как таковые они были признаны и самой Российской Федерацией, и международным сообществом, несмотря на грубые и массовые нарушения прав человека в них, кровопролитные локальные войны, сотни и сотни тысяч беженцев, изгнанных из мест своего традиционного проживания. Ответственность за всё это оказалась нулевой, что, конечно, не могло не укрепить их в сознании своей правоты, а 20 лет независимости во многом сделали новую ситуацию уже необратимой. Сегодня национальные властные и медийные элиты бывших союзных республик не поступятся ни граном того, что было получено так легко, а коли так, то потенциальное восстановление Советского Союза на всё той же, исходно ущербной основе будет означать возвращение, притом в десятикратном усиленном виде, тех же самых проблем, которые в значительной мере и взорвали его. Чего не понимать невозможно, и упорное замалчивание именно этой части истории крушения СССР политическими силами и лидерами, в электоральных целях охотно играющими картой его чудодейственного воскрешения, наводит на невесёлые мысли. Как об искренности самого их стремления вновь создать на подлинно свободной и равноправной основе союз именно народов, а не номенклатур и олигархий, так и способности проделывать необходимый для этого тяжёлую и не сулящую скорых лавров работу.

* * *

Ещё меньше доверия вызывают мегапроекты, наперебой предлагаемые представителями “имперского” направления в нашей общественной мысли и политической публицистике. Сформировавшись в ответ на атмосферу, не ска-

жу ностальгии, чувства очень сильного, а порою даже убивающего, но некоего размытого сожаления о большой и сильной стране, оно необычайно активно и уже приобрело известную власть над умами. О необходимости и, конечно, неизбежности восстановления *Империи* (именно Империи с большой буквы, а не Отчизны, хотя это далеко не одно и то же) сегодня говорят много, почти так же много и так же пафосно, как на старте событий, приведших к гибели СССР, говорили о необходимости и, конечно же, неизбежности её распада. При этом удивительно сходны главные послылы этих утверждений, зеркально отражающие друг друга. Для первых всё свое непреходящее значение сохраняла почтенного возраста формула “Россия – тюрьма народов”, ставшая в начале минувшего века главным инструментом сокрушения Российской империи. Её легко было заменить на СССР, но неизменным оставался главный тезис, согласно которому все народы исторической России, какие бы имена она ни носила, были втянуты в неё насильственно и, соответственно, живут мечтой о бегстве из этой “тюрьмы”. Доказательство не требовалось, а народы, готовые возразить, третировались как отсталые “совки”, если не вообще прирождённые рабы.

И точно так же для вторых, то есть для новых адептов империи, никаких доказательств не требует утверждение о “вытолкутости”, разумеется, тоже насильственной и тоже всех, без исключения, народов из страны, которую они не помышляли покидать и в которую жаждут вернуться. Любая попытка представить более сложную картину событий, тем более же, опираясь на достаточно трудно опровержимые факты и свидетельства, усомниться в таком повальном стремлении, по крайней мере, всех в новую (чаще всего именуемую Пятой) Империю, отбрасывается с порога и навлекает на рискнувшего предпринять её швал обвинений в “национальной узости”, “метафизической глухоте” и прочем в том же роде. Более того: довольно широкое хождение среди новых российских “имперцев” получила версия, тоже зеркально отражающая исходную аксиому борцов с “тюрьмой народов”. С той разницей, что если последние всю вину за возведение этой “тюрьмы” возлагали на русских, то первые на них же почти исключительно возлагают ответственность за её разрушение.

На разных страницах тиражируется версия о каком-то вызревавшем то ли в КПСС, то ли в КГБ, то ли совместно выношенном ими заговоре русских националистов, этих “метафизических врагов Империи” (“Завтра”, 12 октября 2011 г.), из тупо эгоистических устремлений возжелавших отрезать, “сбросить”, как ненужный балласт, всей душой преданные ей среднеазиатские и кавказские народы. Почему при реализации этого коварного националистического замысла едва ли не больше всех пострадали сами русские, не объясняется. Почему они были брошены без всякой защиты, да и просто выданы на расправу националистам других мастей как раз самим тандемом КПСС–КГБ – тоже. Наконец, не приводится никаких документальных доказательств, хоть сколько-нибудь подтверждающих эту гипотезу. Иногда, правда, ссылаются на Солженицына, действительно писавшего о бремени “южного подбрюшья” для России, но нет никаких свидетельств тому, чтобы его проекты “обустройства России” были приняты правившей тогда в стране партией как руководство к действию. И, не будучи поклонницей этого автора, но сохраняя необходимую объективность, должна заметить, что в центре его размышлений всё-таки находилась судьба русского народа, отнюдь не заботившаяся, что ясно показал весь ход событий, ни правительство СССР, ни пришедшее ему на смену правительство РФ.

Ещё меньше могут подкреплять теорию особо разрушительной для сообщества народов роли именно русского национализма ссылки на события в Кондопоге, на Манежной площади, на Ставрополье и во многих других российских городах и весях. Хотя бы уже потому, что все они – порождение уже постсоветского времени. Как уже после СССР родились многие их участники или выросли те из них, кто был ещё детьми в год его крушения. Все эти события – ответ на новую ситуацию, созданную не в последнюю очередь массовым исходом (точнее же будет сказать, сгоном) русских из Средней Азии и с Кавказа, в сочетании с разбухающим потоком движущихся оттуда же в Россию людей “титულных” национальностей, твёрдо убеждённых в том, что их республики принадлежат исключительно им, ну, а Россия – всем. И далеко не всегда так сердечно расположенных к русским, как то видится авторам

инных умильных зарисовок на тему “ну-ка, детки, встаньте в круг, встаньте в круг...” Достаточно ознакомиться хотя бы с некоторыми высказываниями лидера ООД “ТТМ” (Общероссийского общественного движения “Таджикские трудовые мигранты”) Каромата Шарипова, да и с его биографией тоже, чтобы убедиться в этом. А также отчасти заглянуть за кулисы, туда, где работают механизмы современной миграционной политики российского правительства, несущего львиную долю ответственности за создающуюся напряжённость.

Обыгрывать эту болезную тему для подкрепления чьих-то имперских фантазий, по моему глубокому убеждению, безнравственно. Не говоря уже о том, что это нисколько не проясняет причин катастрофы 8 декабря 1991 года – напротив, скорее уводит от них, вновь выдвигая на первый план тезис о каком-то особом ущемлении среднеазиатских республик, будто бы противившихся ликвидации СССР. Однако тезис этот рухнет при первом же соприкосновении с достоверной хроникой событий.

* * *

“Уже 13 декабря, – напоминает в своей очень содержательной статье “Евразийский союз и Евразийское лукавство” эксперт Российского института стратегических исследований Аждар Куртов, – главы пяти центральноазиатских республик на встрече в Ашхабаде приняли заявление, в котором в мягкой форме высказали свою позицию относительно произошедшего в белорусских Вискулях. В данном документе не было неприятия самого факта денонсации Союзного договора 1922 года и создания СНГ – наоборот, это было оценено положительно. Возражения среднеазиатских лидеров касались лишь того, что они не были участниками данного процесса. Поэтому они настаивали на праве всех республик бывшего СССР принимать участие в процессе обсуждения и выработки документов СНГ, а также на признании их в качестве учредителей этой организации”.

Что и произошло на совещании в Алма-Ате 21 декабря 1991 года, когда 11 из 15 бывших союзных республик заявили о том, что “на равноправных началах” образуют Содружество Независимых Государств. Никаких оснований говорить о насильственном сбросе “южного подбрюшья” документ этот, как видим, не даёт. Не даёт их и принятая в тот же день, 21 декабря 1991 года, “Декларация”, практически подтверждавшая то, что уже было сказано “беловежской тройкой”. “С образованием Содружества Независимых Государств, – гласила она, – Союз Советских Социалистических Республик прекращает своё существование”.

“То есть, – комментирует Куртов, – реально никто из собравшихся в Алма-Ате не возражал и не пытался остановить распад Союза ССР, все лишь стремились стать его участниками” (“Независимая газета” 9 ноября 2011 года). Да и почему бы они стали возражать? Сегодня предпочитают не вспоминать об этом, но ведь практически все центральноазиатские республики, по мысли создателей странной теории – жертвы “русско-националистического заговора”, свои Декларации о независимости, наряду с Молдавией-Молдовой, Арменией, Азербайджаном, Украиной и Белоруссией, приняли уже к осени 1991 года, сразу же после поражения ГКЧП. Надо думать, не найдя менее экстравагантного способа выразить свою, как нас уверяют, глубокую привязанность к влекомой на заклятие державе. И, тем не менее, миф о некоей ущемлённости этих республик, об их горячем стремлении сохранить Союз продолжает, как то и подобает мифу, жить своей собственной жизнью, приобретая статус самоочевидной, не требующей доказательств и подтверждений истины.

К моему удивлению, не привёл их даже такой серьёзный автор, как В. С. Овчинский, чьи работы всегда изобилуют ссылками на документы и хорошо проверенные факты. Однако, заканчивая свою в целом очень интересную статью “Чёрный ящик” войны с терроризмом” (“Наш современник”, № 11, 2010 г.), он просто выдвигает ряд ничем не подкреплённых тезисов. Декларативный характер которых особенно подчёркивается тем, что, будучи оглашены в финале, они не получили простора для развития. О чём остаётся сожалеть, потому что вопросов к ним возникает немало. Так, Овчинский пишет: “... Республики Средней Азии были оторваны от единой России, лишены единого экономического и культурного пространства, оставлены один на один с

надвигающейся волной радикального ислама, стали вожделенными объектами экспансии и со стороны Запада. и со стороны Китая...”

Но об “оторванности” и “оставленности” я уже говорила выше, как и о том, что реальный ход событий никак не подкрепляет эту картину особо горестной судьбы республик Средней Азии в момент распада СССР. Что же до судьбы последующей, то она, во всяком случае, была ничуть не менее горестной, нежели судьба миллионов людей, в мгновение ока лишившихся Отечества, тех, кому в Средней Азии, как и во многих других союзных республиках, предложили “убираться в свою Россию” – и это было ещё не самое худшее предложение. Тем не менее, автор “Чёрного ящика...”, говоря об утрате Россией, вследствие “сброса “азиатских окраин”, “огромного ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, способного укреплять военный и трудовой ресурс страны”, имеет в виду лишь титульных граждан бывших союзных республик Средней Азии, теперь обречённых на участь “опасных “незаконных мигрантов”...”, а так желавших остаться с Россией в общем культурном пространстве. Видимо, как раз с этой целью повсеместно закрывавших русские школы и выгонявших на дороги беженства в том числе и русских учителей.

Одним из следствий этого, естественно, оказалось почти полное незнание русского языка новым поколением, в основном и едущим на заработки в Россию. Что, между прочим, как отметил лидер ПИБТ (Партии исламского возрождения Таджикистана) М. Кабири, то есть человек, по определению выступающий не с позиций “русского национализма”, позволяет руководству республики не только подпитывать бюджет их денежными переводами (а они, по оценке Кабири, в 1,5 раза превышают сам бюджет), но и сбрасывать социальный “пар”. Ведь большая часть мигрантов – это люди в возрасте от 18 до 40 лет, для которых не создаются рабочие места внутри страны (“Независимая газета”, 15 ноября 2011 г.).

То, что такой сброс, соответственно, повышает напряжённость внутри самой России, судя по всему, российское руководство не слишком заботит. Зато теперь оно озабочено созданием системы обучения мигрантов русскому языку за счёт госбюджета, иными словами – за счёт налогоплательщиков, подавляющую часть которых составляют русские (80% населения РФ). То есть, в конечном счёте, самим русским предлагается оплатить издержки столь странным образом выразившей себя в республиках Средней Азии тяги к русскому культурному пространству. И это при том, что в своё время средств не нашлось для сколько-нибудь достойного обустройства нетитульных беженцев из этих стран. Видимо, этот “человеческий потенциал” (пусть даже и без заглавных букв) для России интереса не представляет. Позабыл о нём и автор, а жаль.

Такие умолчания и неточности делают слишком одномерным контекст, в котором В. Овчинский выдвигает сам по себе абсолютно верный тезис об опасности оголения южных границ России. Конечно, кто же станет спорить с тем, что оголение любых границ опасно, но что иные из них порою могут приобретать особое значение. Можно согласиться и с тем, что ситуация, складывающаяся в Афганистане, делает вопрос о южном рубеже особенно острым. Но не будем забывать, однако, что оголялся он отнюдь не без усилий со стороны самих среднеазиатских лидеров. Разве не по требованию Таджикистана были выведены российские пограничники с этого самого опасного участка бывшей советско-афганской границы? И разве не Душанбе sporadически поднимает вопрос о выводе 201-й стрелковой дивизии либо, по крайней мере, о пересмотре (в сторону повышения арендной платы) условий её дислокации? Разве без согласия киргизской стороны появилась американская военная база в Манасе? Более того: сейчас поступает много информации об американских планах передачи, после вывода войск из Афганистана, избыточных вооружений (более современных, нежели те, которыми располагает сегодня сама Российская армия) странам Центральной, то есть бывшей Средней Азии. Равно как и об уже проявленной заинтересованности этих стран. Ведутся переговоры с Душанбе о возможности предоставления США авиабазы в Таджикистане и – самое главное – о создании здесь, как и в Узбекистане, учебных центров на *долговременной основе*, где войска будут осваивать передаваемые им новые вооружения.

Думаю, трудно спорить с тем, что в такой перспективе вопрос о безопасности южных рубежей может повернуться самым неожиданным образом, а ре-

шать его будет много сложнее, нежели видится сегодня сквозь призму мифа о злонамеренном сбросе среднеазиатских народов.

* * *

И всё-таки: как бы ни был важен южный рубеж, придавая ему гипертрофированное значение, нетрудно позабыть о других. И это бы ещё полбеды, если бы на других рубежах дела обстояли много лучше. К несчастью, это далеко не так.

Занятые преимущественно событиями на Кавказе и в Центральной (бывшей Средней) Азии, российские политики и политологи в последние 10 лет несоизмеримо меньше внимания уделяли тому, что совершалось после распада СССР на оказавшейся за пределами РФ европейской его части. И это выглядит даже парадоксом, вступая в резкий контраст с время от времени достигающей точки кипения риторикой по поводу расширения НАТО на восток, размещения ПРО в сопредельных исчезнувшему СССР странах и требований Запада о ликвидации остатков российского военного присутствия (и, как следствие, политического влияния тоже) на этом направлении. Дальше риторики, однако, дело не идёт, а широким общественным мнением, похоже, вообще не осознаётся, что в перспективе означает полное и стремительное отступление России именно на Западе. Между тем самый контур страны изменился здесь столь резко, что, в сущности, можно уже говорить о Российской Федерации как о совершенно новой геополитической величине, имеющей очень мало, чтобы не сказать — не имеющей ничего — общего не только с Советским Союзом, но и с его предшественницей. С той Россией, основные очертания которой на западном направлении определились уже к концу XVIII века.

Всего за несколько лет оказались утрачены плоды тяжкой трёхсотлетней работы, притом утрачены не только без войны, но даже и вообще без внешнего давления такой силы, которое могло бы если не оправдать, то, по крайней мере, объяснить подобное, не имеющее аналогов не только в отечественной, но, пожалуй, что и в мировой истории отступление В начале 90-х годов метко названное бывшим командующим ЧФ СССР Э. Балтиным “отступлением до боя”. Определение, конечно, ранящее, и ранящее жестоко, однако до сих пор никто точнее не определил суть того, что в конце века совершилось на западном рубеже исторической России — СССР, как правило, именуемом Балто-Черноморской дугой. Особенно если добавить, что разгромное отступление произошло без боя — не только военного, но даже и без сколь-нибудь упорного дипломатического и психологического поединка. Однако как раз от этой стороны вопроса предпочло отвернуться большинство тех, кто, всё-таки ещё затрагивая порой тему западного рубежа, вновь и вновь сводит причины полной утраты Россией здесь своих позиций к извечному стремлению Запада отсечь Россию в глубь евразийского континента, то есть отбросить её в допетровскую эпоху. Так, известный политик и политолог Н. Нарочницкая даже называет саму Балто-Черноморскую дугу “старым проектом XVI века, отрезающим Россию от выходов к морю” (“Наука и религия”, № 9, 2005 г.). Однако историкам хорошо известно, что ещё задолго до XVI века регион, прилегающий к Балтийскому морю, стал ареной жестокого противоборства немцев и славян, которое видный представитель школы “Анналов”, французский историк Жак Ле Гофф называет “доминирующим аспектом” европейской экспансии VIII–X вв. В ходе этой экспансии, особо подчёркивает Ле Гофф, “религиозные мотивы отступили на второй план, поскольку немцы без колебаний вступали в борьбу даже с теми соседями, которые приняли христианство” (Жак Ле Гофф. “Цивилизация средневекового Запада”. М., “Прогресс”, 1992, с. 61–62).

Стоит добавить, что и позже общая католическая вера нисколько не мешала тевтонским рыцарям беспощадно давить и грабить славянскую Польшу. Так что не стоит преувеличивать роль противостояния Церквей в борьбе на западном рубеже, а такая тенденция тоже существует в нашей историографии и в последнее время заявляет о себе даже более настойчиво, нежели то было в исторической науке дореволюционной России — по крайней мере, в последние полвека, предшествовавшие революции. И уж тем более никакого отно-

шения оно не имело к первым векам противоборства народов на балтийском рубеже. Как, разумеется, не могло быть в ту пору и “проекта оттеснения” с него России, поскольку не было ещё не только самой России, но даже и Руси. Руси же в первые лета её становления пришлось столкнуться вовсе не с Западом, а с Великой Степью, под давлением которой она начала отступать из Северного Причерноморья, то есть с юго-западной оконечности “дуги”.

Позже на смену Степи пришла Османская/Оттоманская империя, с которой Европа и впрямь не раз объединяла свои силы во имя общей цели оттеснения России с имеющего непреходящее значение Балто-Черноморского рубежа. Так было уже в самом начале XVIII века, когда шведско-русская Северная война, итогом которой стало присоединение к России территорий будущих Латвии и Эстонии, слилась с русско-турецкой войной за Черное море и Причерноморье. Так было и в середине XIX века, во время Крымской войны, суть которой без обиняков обозначил тогда лидер палаты общин английского парламента Джон Рассел: “Надо вырвать клыки у медведя... Пока его флот и арсенал на Чёрном море не разрушены, не будет в безопасности Константинополь, не будет мира в Европе”. Упоминание Константинополя, давно превратившегося в Стамбул, в этом контексте отзывается чёрным юмором, конечно, адресованным “медведю”, России, и чтобы “вырвать клыки” у неё, как раз и была создана европейско-турецкая коалиция. Предназначенная, по словам историка Крымской войны В. В. Виноградова, вернуть Россию “к временам Алексея Михайловича”. Это был действительно “проект”.

Однако сама по себе ось, идущая с севера на юг, от Балтийского до Чёрного моря, конечно же, не могла быть кем-то сконструирована искусственно и, стало быть, считаться чьим-то проектом. Она существовала реально и на протяжении многих веков была линией соприкосновения — чаще всего борьбы, но нередко и взаимодействия — множества “народов и царей”, откуда не получила чёткого определения рубежа между Россией и Европой. И вот только начиная с этого, достаточно позднего времени (в сущности, не ранее Петра Великого) о ней можно говорить как о предмете каких-то продуманных военно-политических разработок, то есть проектов в собственном смысле слова. Но сколько бы их ни было, неоспоримым фактом остаётся то, что на протяжении почти трёх веков Россия умела все их обращать в прах, причём на поприще не только военном, но и дипломатическом. Проявляя на последнем немалую гибкость и, как теперь сказали бы, “многовекторность”. Так, справедливости ради стоит напомнить, что не только Европе случалось заключать союзы с Портой против России — бывало и наоборот. Как, например, в 1798 году, когда эскадра Ушакова, в качестве союзника турок против Бонапарта, стояла в Босфоре, готовясь к выходу в Средиземное море. Полвека спустя племянник будущего императора ответил симметрично, чему вряд ли стоит удивляться. Драматичным на сей раз оказалось, конечно, одиночество России, ибо теперь против неё выступила и Англия, её союзница по борьбе с Наполеоном. Но ведь даже и потерпев поражение в Крымской войне, Россия всего лишь через 15 лет, притом “не двинув пушки, ни рубля” (Тютчев), то есть исключительно дипломатическими усилиями, сумела восстановить своё полноценное присутствие на Чёрном море.

Отражала она на Балто-Черноморском рубеже и куда как более жестокие “натиски на восток”, раз за разом твёрдостью своего сопротивления отвечая пушкинским строкам: “Иль нам с Европой спорить ново?/Иль русский от побед отвык?”

Что не отвык, в последний — и на сей раз всемирно-значимым образом — подтвердила Великая Отечественная война, когда сам этот рубеж получил зримое воплощение в гигантской, буквально протянувшейся “от моря до моря” линии фронта. Ялта и Потсдам закрепили полное доминирование нашей страны на Балто-Черноморской дуге, окончательно же оно было подтверждено в 1975 году Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки), согласно которому итоги Второй мировой войны не могли подлежать никакому пересмотру. До конца XX века оставалось 25 лет, и вряд ли подавляющему большинству граждан не только СССР могло прийти в голову, что уже в начале последнего его десятилетия рубеж безопасности России отодвинется под Псков и Смоленск на северо-западе, а на юго-западе — под Брянск и Курск. Стремительно и одновременно оказались утрачены итоги не только Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но и

Отечественной войны 1812 г., а также и русско-шведской войны 1711 г., – и почти все плоды русско-турецких войн второй половины XVIII века. Войн, которые, по оценке одного из ведущих востоковедов второй половины минувшего столетия англичанина Бернарда Льюиса, “привели к решительному перелому в соотношении сил не только между двумя империями, но и между двумя цивилизациями” (Б. Льюис. Ислам и Запад. М., 2003. С. 39). Отступление России на этом забытом рубеже вновь перевернуло такое соотношение, причём в условиях, когда новый характер вооружений, военных коммуникаций, глобальных экономических связей вообще не позволяет говорить о возможности удержания южного рубежа, сдавая западный.

(Окончание следует)